

О необходимости введенія общественных наукъ въ программу духовной школы.

Братіе! Не будьте дѣтьми умоу: ни злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтні. (Ап. Павелъ, I посл. къ Кор. 14, 20).

Все испытывайте, хорошаго держитесь (I посл. къ Тесс., 4 21).

Возбужденъ, наконецъ, вопросъ о реформѣ какъ высшей такъ и средней духовной школы. Неудовлетворительность и несостоятельность ея давно уже сознавалась въ заинтересованныхъ сферахъ, но только теперь, вмѣстѣ съ обновленіемъ всей нашей жизни и одновременно съ глубокими измѣненіями во внѣшнемъ положеніи, а также и духовномъ состояніи русской церкви ставится этотъ вопросъ о реформѣ школы, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и жгучихъ вопросовъ церковнаго обновленія. Пока вопросъ ставится въ предѣлахъ только внѣшнихъ измѣненій,—объ автономіи совѣтовъ, о новомъ уставѣ и под., но вѣтъ сомнѣнія, что это лишь начало реформы, она должна пойти глубже и перестроить школу и изнутри, измѣнить самый духъ ея, сдѣлать ее дѣйствительно разсадникомъ духовнаго просвѣщенія и освободить отъ чертъ смиренныхъ заведеній іезуитски—средневѣковаго образца. Имѣя въ виду это духовное возрожденіе нашей богословской школы, какъ средней такъ и высшей, я позволяю себѣ со стороны поднять свой голосъ, чтобы поставить передъ сознаніемъ заинтересованныхъ лицъ вопросъ первостепенной важности, который, однако, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, еще не поднимался въ соотвѣтствующей

шей сферѣ. Это вопросъ о необходимости введенія общественныхъ наукъ въ преподаваніе какъ средней такъ и высшей школы. Я знаю, что эта мысль встрѣтится съ застарѣлымъ предубѣжденіемъ и возбудитъ въ нѣкоторыхъ паническій, можетъ быть, страхъ предъ внесеніемъ въ духовную школу свѣтскаго и безбожнаго ученія, какъ то у насъ привыкли считать общественную науку. Въ отвѣтъ на это опасеніе я долженъ указать, что своимъ проэктомъ имѣю въ виду какъ разъ обратное—распространить воздѣйствіе христіанства на новыя области и лишить одного изъ сильнѣйшихъ и опаснѣйшихъ орудій его враговъ, въ свою очередь вооружившись этимъ орудіемъ. Мотивомъ этого проекта является единственно и исключительно стремленіе къ раскрытію христіанской правды и къ торжеству истинъ христіанства въ современномъ обществѣ. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы и сами представители христіанства находились на высотѣ своего положенія и не держались съ непонятнымъ упрямствомъ за сомнительную привиллегію быть „младенцами по уму“, отъ чего предостерегаетъ апостолъ, по крайней мѣрѣ, въ области социальныхъ отношеній. Вѣдь и для слѣпого видно, насколько усложнилась и утончилась социальная жизнь. Громъ происходящихъ событій, повсемѣстныя стачки даже глухимъ теперь вселили знаніе того, что мы живемъ въ какомъ-то новомъ, капиталистическомъ мірѣ, гдѣ отношенія труда и капитала представляютъ какой-то сложный, мучительный вопросъ общественной совѣсти, относительно котораго грѣшно ограничиться одними фарисейскими покиваніями главы, но который нужно прежде всего научно понять. И предстоящія политическія преобразованія, и мощный потокъ освободительнаго движенія должны разрушить теперь даже у самыхъ закоснѣлыхъ предубѣжденіе, будто есть только одна, навсегда данная форма политической жизни. И, слѣдовательно, всѣ бунтующіе противъ нея суть грѣшники и своевольники. Теперь, когда вся Россія перестраивается заново, причѣмъ въ эту перестройку если не добровольно, то насильно вовлекается и церковь, внѣшнее положеніе которой потерпитъ несомнѣнно глубокія измѣненія, становится необходимо и обязательно для всѣхъ, въ томъ числѣ и церковныхъ людей, прежде всего *понять* происходящее и, лишь основательно понявъ, произнести судъ,—благо-

словить или осудить. Нужно, по слову апостола, испытывать все, и лишь послѣ такого испытанія возможно сознательно и твердо держаться добраго. Все это, я полагаю, такъ ясно въ настоящее время, что не нужно много настаивать на этомъ. Но существуетъ только одинъ путь сознательнаго отношенія ко всему происходящему во всей его сложности—путь соціальной науки, освѣщаемый, конечно, вѣчнымъ свѣтомъ Евангелія.

Для всѣхъ должно быть извѣстно, что въ обществѣ обращается теперь цѣлый рядъ соціально-философскихъ ученій, въ большинствѣ случаевъ враждебныхъ христіанству и всякой религіи вообще. Ученія эти широко и глубоко проникаютъ уже въ массы народныя, и отпаденіе отъ христіанства принимаетъ или скоро приметъ массовые размѣры; не только интеллигенція давно уже и почти поголовно ушла изъ церкви, но уходитъ и народъ. Одну изъ вѣрныхъ причинъ того, что это отпаденіе совершается съ такой легкостью и почти безъ борьбы, надо видѣть, несомнѣнно, не въ неотразимой притягательности новыхъ ученій, но въ безсиліи и неподготовленности современныхъ представителей церкви. Когда говорятъ массамъ народнымъ объ ихъ насущныхъ нуждахъ, входятъ въ ихъ бытъ, матеріальное положеніе, организуютъ ихъ, причемъ все это дѣлается во имя идеаловъ антирелигіозныхъ, то представители церкви или молчатъ, ибо они не умѣютъ разобраться въ происходящемъ, или, что еще хуже, открыто становятся на сторону силы, а не правды и выступаютъ противъ народа. Между тѣмъ, если бы они были хорошо подготовлены и умѣли бы дѣйствительно проникнуться народными нуждами и осуществлять современными средствами тѣ заповѣди практической любви, о которыхъ спросится съ насъ въ день судный, если бы они были компетентны для серьезной критики и нравственнаго изобличенія одностороннихъ и фальшивыхъ ученій и къ раскрытію общественной правды христіанства, конечно, имъ не приходилось бы терпѣть пораженія отъ любого оратора, весь духовный багажъ котораго состоитъ, можетъ быть, изъ нѣсколькихъ агитаціонныхъ брошюръ. Не сила ихъ ученія, ихъ антирелигіозныхъ доктринъ, но жизненность ихъ проповѣди и относительная правда ея (мы разумѣемъ, конечно, ихъ общіе стремленія, а не средства рекомендуемыя

ими для борьбы, которая стремленіямъ этимъ часто противорѣчать) привлекаетъ къ нимъ сердце народное, да, кромѣ того, совершенное отсутствіе конкуренціи, отсутствіе русла *христіанской общественности*, къ созданію котораго обязанъ стремиться теперь всякій, вѣрующій во Христа ¹⁾).

Теперешняя несостоятельность представителей церкви имѣетъ общей причиной, конечно, все ея внѣшнее положеніе при самодержавіи, тотъ „параличъ русской церкви“, о которомъ писалъ Достоевскій. Но, въ частности, здѣсь виновата ближайшимъ образомъ наша духовная школа, которая прилагала всѣ заботы, чтобы законопатить не только окна, но и щели отъ свѣжаго воздуха, и, продержавъ своихъ воспитанниковъ въ полумонастырскомъ казематѣ, посылала ихъ быть вождями и руководителями народа, учителями жизни.

Можно-ли спрашивать теперь съ приходскаго священника, чтобы онъ разъяснялъ своимъ прихожанамъ, какъ имъ относиться къ сложнымъ иногда политикозэкономическимъ и социальнымъ доктринамъ, которыя они слышатъ на митингахъ, читаютъ въ газетахъ, когда этотъ пастырь самъ знаетъ меньше ихъ. Можетъ быть, нѣкогда ему въ семинаріи смазали балъ поведенія за неумѣстную пытливость къ запрещенной наукѣ, а теперь онъ долженъ руководить въ ея вопросахъ свою паству и защищать ее отъ антирелигіозныхъ вліяній, опирающихся на социальную науку.

Пересмотрите, что говорилось и писалось въ проповѣднической литературѣ по общественнымъ вопросамъ. Вѣдь если исключить значительное количество произведеній явно апологетическаго характера по отношенію къ дѣйствіямъ власти имущихъ (тоже крайне убогаго фасона), то вѣдь въ остальныхъ обнаруживается такая святая простота, такіа примитивныя представленія, соотвѣтствующія экономическому укладу патріархальнаго періода, что только совершеннымъ невѣдѣніемъ и можно объяснить столь поверхностное отношеніе къ труднымъ и сложнымъ вопросамъ жизни. Вѣдь представьте себѣ, что священникъ служить въ фабричномъ приходѣ, кругомъ говорятъ о стачкахъ, кассахъ, рабочихъ

¹⁾ Этому вопросу за послѣдніе годы я посвятилъ рядъ статей см. въ частности „Неотложная задача“ въ Вопр. Жиз., 1905, IX.

организаціяхъ, онъ безъ всякаго труда могъ бы стать духовнымъ центромъ рабочихъ организацій, но онъ не имѣетъ понятія о капиталистическомъ строѣ, о рабочемъ вопросѣ, въ его духовномъ обиходѣ имѣется всего нѣсколько общихъ формулъ, которыя онъ не умѣетъ связать съ жизнью. Въ результатѣ происходитъ расхищеніе паствы. Еще болѣе безпомощно положеніе сельскаго священника. Вотъ подходятъ выборы въ государственную думу, которые станутъ обычнымъ явленіемъ въ жизни страны, повторяющимся черезъ каждые нѣсколько лѣтъ. Какъ бы сами представители духовенства ни относились къ участию въ выборахъ, несомнѣнно, имъ предстоитъ подавать совѣты крестьянамъ, быть экспертами по политическимъ вопросамъ,—иначе и здѣсь будетъ происходить тоже расхищеніе, что и въ городахъ—но что же знаютъ эти эксперты, получившіе свою подготовку въ семинаріяхъ, гдѣ слово „политика“ было самымъ ужаснымъ, запрещеннымъ, гдѣ интересъ къ политическимъ вопросамъ преслѣдовался и карался самымъ жестокимъ образомъ.

Такому уродливому, противоестественному положенію вещей долженъ быть положенъ конецъ. Семинаристы въ среднемъ достаточно подготовлены, чтобы вмѣстить начатки общей теоріи права и политической экономіи, которые съ успѣхомъ преподаются, напр., въ коммерческихъ училищахъ. Въ программу школъ, подготовляющихъ духовенство, будутъ-ли это духовныя семинаріи, или какіе-либо спеціальныя классы, должны быть обязательно введены основныя начала общественныхъ наукъ (вѣдь есть же въ семинаріяхъ такой предметъ преподаванія какъ „пастырское богословіе“, общественныя науки составятъ его прикладной отдѣлъ). Интеллигентный, вооруженный современными знаніями, стоящій на высотѣ запросовъ жизни и способный поэтому бороться за души своей паствы священникъ представляетъ самую насущную необходимость для церкви; духовенство наше должно обновиться и перестать стоять позади пасомыхъ, какъ въ настоящее время, и, конечно, для этого необходимо реформировать и духовно раскрѣпить школу.

Но еще безспорнѣе необходимость введенія общественныхъ наукъ въ преподаваніе высшей богословской школы, въ наши духовныя академіи. Въ настоящее время и высшая школа также мало вооружаетъ для жизни какъ и средняя,

и духовные академики обнаруживаютъ ту-же дѣйственность въ общественныхъ вопросахъ какъ и семинарскіе ихъ коллеги. Между тѣмъ, не реформировавъ въ этомъ отношеніи высшую школу, невозможно осуществить и реформу средней школы, духовно-питаемой высшей.

Необходимость включенія общественныхъ наукъ въ кругъ преподаванія духовныхъ академій кажется мнѣ настолько ясной и безспорной, что я положительно отказываюсь приискать хотя одинъ серьезный и, главное, искренній мотивъ. почему ихъ должно и можно было исключать изъ этого преподаванія. Можетъ быть, при знакомствѣ съ ними только по наслышкѣ эта идея представляется страшной и нецѣлесообразной, но это предубѣжденіе должно разсѣяться при ближайшемъ съ ними ознакомленіи. Введены въ кругъ преподаванія духовныхъ академій и исторія литературы, и общая исторія, но почему-то отсутствуетъ, напр., политическая экономія, безъ которой невозможно теперь преподаваніе и исторіи; считается нужнымъ и полезнымъ знакомить студентовъ съ тѣмъ, какъ люди жили при Ксерксѣ и при Карлѣ Великомъ, но не дается никакихъ свѣдѣній о томъ, что происходитъ теперь вокругъ насъ. Если искать даже узкихъ и вполне практическихъ мотивовъ, то можно указать, что въ дѣлахъ и апологетическихъ, и пастырскихъ преподаваніе общественныхъ наукъ стало совершенно необходимо. Вѣдь главные аргументы отрицателей религіи почерпаются теперь не изъ философіи (съ которою въ настоящее время очень мало знакомы и мало ею интересуются), но изъ соціальной науки, изъ политической экономіи; вѣдь отсюда вышло самое распространенное теперь ученіе экономическаго матеріализма, объявляющее религію лишь надстройкой надъ экономическимъ фундаментомъ, вѣдь отсюда вышелъ марксизмъ, все содержаніе соціальной жизни сводящій къ классовой борьбѣ и классовый интересъ объявляющій высшей и единственной нормой поведенія. Такъ гдѣ же послѣдовательность, если считаютъ необходимымъ въ курсахъ основнаго богословія и философіи, знакомить съ антирелигіозными теоріями, которыя теперь мало кого беспокоятъ, и представляютъ лишь историческій интересъ, а оставляютъ безъ вниманія главную цитадель теперешнихъ противниковъ религіи, которая не только не можетъ считаться непобѣдимой, но,

по существу дѣла, гораздо легче доступна нападенію, нежели всѣ предыдущія. О значеніи социальныхъ наукъ въ цѣляхъ пастырства мы уже достаточно говорили выше.

Но, помимо этихъ внѣшнихъ и утилитарныхъ соображеній, есть и такія, которыя заставляютъ настаивать на включеніи общественныхъ наукъ въ кругъ именно христіанскаго, богословскаго образованія ради высшихъ идейныхъ интересовъ, связанныхъ съ самымъ существомъ дѣла. Въ современномъ христіанскомъ сознаніи все болѣе утверждается истина, что задачей христіанства является не только личное, но и общественное спасеніе, не только воздѣйствіе на личную, но и на общественную совѣсть, торжество Царствія Божія не только въ личномъ сознаніи, но и въ общественныхъ отношеніяхъ. Церковь, хранительница богооткровенной истины, призвана быть совѣстью человѣчества, всеосоляющей солью, а, стало быть, и нормой общественной жизни. Задачи христіанской общественности (или, по выраженію В. С. Соловьева, христіанской политики) необходимо входятъ въ дѣятельность воинствующей церкви, и, если до сихъ поръ эти задачи не отчетливо выступали въ церковномъ сознаніи, то теперь они настойчиво ставятся жизнью, и если отказываются отъ нихъ представители церкви, то приходятъ враги ея и уводятъ стадо. Нельзя смотрѣть съ фарисейскимъ самодовольствомъ и самомнѣіемъ на существующее религиозное разложеніе, но надо принять его на свою совѣсть, какъ плодъ своей еобственной бездѣятельности, попустительства, маловѣрія, какъ грѣхъ учащей церкви. И если въ церкви пробудится сознаніе всей отвѣтственности историческаго момента и новыхъ обязанностей, имъ налагаемыхъ, тогда необходимо окажется въ числѣ другихъ обязанностей и изученіе общественной жизни. Даже для того, чтобы выучиться самому простому ремеслу, нужно обратиться къ специалисту, тѣмъ болѣе необходимо это здѣсь, гдѣ существуетъ уже цѣлая отрасль знанія, вѣдающая общественную жизнь. Общественныя науки, вообще говоря, состоятъ изъ матеріала двоякаго рода: изъ объективныхъ наблюденій, своего рода историческихъ данныхъ, точно установленныхъ фактовъ и основанныхъ на нихъ практическихъ рецептовъ—все это конечно, надо усвоить и воспользоваться этими свѣдѣніями для своихъ цѣлей—и, съ другой стороны, изъ обобщающихъ

идей, изъ общаго міровоззрѣнія, которое объединяетъ и склеиваетъ эти факты и кажется даже неразрывно связаннымъ съ ними, хотя на самомъ дѣлѣ привносится къ нимъ извнѣ и, до извѣстной степени, искусственно. Это общее міровоззрѣніе и эти идеи, надо прямо признать, суть нехристіанскія, частью внѣ-христіанскія, языческія, частью даже антихристіанскія, челоѣкобожескія. Причины, почему они получили такой характеръ, совершенно понятны. Онъ вовсе не связанъ съ природой общественныхъ наукъ, но съ опредѣленными внѣшними историческими условіями. Общественныя науки, въ частности политическая экономія выросли и окрѣпли главнымъ образомъ въ 19 вѣкѣ, большей частью внѣ религіозныхъ и христіанскихъ вліяній, частью же въ сознательномъ антагонизмѣ христіанству. Кто былъ виноватъ въ такомъ положеніи вещей, сейчасъ разбирать не будемъ, фактъ только тотъ, что церковь не осуществляла здѣсь того, къ чему она призвана, не заботилась о выработкѣ нормъ общественной жизни, пришли другіе заняли ея мѣсто, но стали дѣлать, конечно, свое собственное, противоположное дѣло,—произошло тоже самое, что благодаря пассивности и бездѣйствію представителей церкви происходить теперь съ цѣлымъ русскимъ народомъ. Не создалось христіанской общественности, такъ создалась антихристіанская или просто свѣтская, религіозно индифферентная политика, не раздалось проповѣди свободы, равенства и братства во имя Христа и согласно Его завѣтамъ, и мы видимъ тѣ же идеалы внѣ религіозной санкціи. То, что составляетъ необходимый выводъ изъ евангельскаго ученія, обращено было въ орудіе противъ него, и то положительное добро и справедливость въ общественныхъ отношеніяхъ, которыя должны были вноситься въ жизнь представителями церкви, стали вноситься людьми, ей чуждыми. Все это факты, для всѣхъ очевидные, оспорить ихъ нѣтъ возможности и не слѣдуетъ. Нужно признать свой грѣхъ и свою обязанность и выступить на новое служеніе. И въ частности нужно создать общественную науку, проникнутую началами христіанской вѣры, нужно создать христіанскую политическую экономію, христіанскую юриспруденцію, христіанскую политику.

Наше мнѣніе, такимъ образомъ, сводится къ тому, что ду-

ховныя академіи (или богословскіе факультеты, вообще высшая богословская школа) на ряду съ другими задачами должны поставить себѣ задачу и культивировать общественную науку на основѣ христіанскаго міровоззрѣнія. Это не только совершенно необходимо для христіанскаго сознанія, но это, внѣ всякаго сомнѣнія, окажется въ высшей степени плодотворно и для самой общественной науки, которая въ лучшихъ, наиболѣе сознательныхъ своихъ представителяхъ переживаетъ идейный кризисъ, въ рукахъ же рядовыхъ, ремесленныхъ представителей характеризуется идейной пустотой. Дѣло въ томъ, что социальная наука есть всетаки по преимуществу социальная *техника*, т. е. наука прикладная, которая не имѣетъ въ себѣ и не можетъ творить изъ себя высшихъ руководящихъ идей, а когда, не понимая своей природы она начинаетъ дѣлать это, то приходитъ къ выводамъ, или совершенно лишеннымъ общаго значенія за предѣлами спеціальности или же всетаки заимствованнымъ извнѣ. Не имѣя своего духовнаго питанія, она питается изъ духовнаго источника общаго философскаго и религіознаго міровоззрѣнія, и чахнетъ, когда оскудѣваетъ послѣдній. Необходимо констатировать, что этотъ источникъ въ настоящее время совершенно оскудѣлъ. Что касается науки права, то она знала лучшія времена, когда она оплодотворялась неразрывнымъ союзомъ съ нѣмецкимъ классическимъ идеализмомъ. Но съ тѣхъ поръ какъ философія потеряла свой кредитъ, а ходячимъ міровоззрѣніемъ сдѣлался поверхностный позитивизмъ, и общая теорія права совершенно потеряла курсъ и даже перестала возбуждать къ себѣ интересъ. Въ новѣйшее время половинчатая попытка реставраціи идеализма стремятся воскресить старыя традиціи и былыя времена, но пока безуспѣшно вслѣдствіе своего внутренняго безсилія. Христіанская философія способна, несомнѣнно, выполнить то дѣло, которое не подъ силу реставрированному „субъективному идеализму“ Канта, союзъ богословія, философіи и юриспруденціи былъ бы самымъ плодотворнымъ для общей теоріи права.

Что касается политической экономіи, властительницы думъ современнаго общества, то она не знала никогда даже и того героическаго періода, который былъ извѣстенъ юриспруденціи. Возникнувъ въ Англіи, у практическаго и нефин-

лософскаго народа, она сразу попала въ какую то банкирскую атмосферу, прозаической и безкрылой дѣловитости, и въ этомъ отношеніи и социалистическое теченіе не внесло новыхъ общихъ идей. Поскольку дѣло касается фактическаго изученія, накопленія матеріала, заслуги современной политической экономіи весьма велики, но въ области общихъ идей, въ такъ называемой „теоретической“ части ея безидейность, дѣтская безпомощность, доходящая иногда прямо до ничтожества, поразительны. Это неудивительно, если принять во вниманіе, что разрабатываютъ ее большей частью люди безъ общаго образованія, безъ философской подготовки; у насъ въ Россіи она преподается на юридическомъ факультѣ, совершенно не имѣющемъ кафедры философіи, и въ политической экономіи специализируются люди чуть не съ гимназической подготовкой, не сознающіе даже всей своей неподготовленности. Этимъ и объясняется, между прочимъ, безпрепятственное распространеніе ученій самыхъ странныхъ, спорныхъ, и не философскихъ (хотя бы тотъ же экономическій матеріализмъ) и въ формулировкѣ наиболѣе догматической, наивной, уродливой. Вообще, въ идейномъ отношеніи политическая экономія, точнѣе то, что можно назвать ея философіей, находится въ дѣтскомъ состояніи (и не только у насъ, но и на западѣ), такъ что и здѣсь богословско-философская подготовка, даваемая академіями, могла бы оказаться чрезвычайно полезной въ смыслѣ идейнаго прогресса общественной науки. Поэтому мы именно настаиваемъ, что потребность въ преподаваніи общественныхъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ должна удовлетворяться не механически, путемъ приглашенія преподавателей со стороны, съ юридическихъ факультетовъ университетовъ, но органически, путемъ культивированія этой науки въ своей собственной идейной атмосферѣ.

Лица, обладающіе высшимъ богословскимъ и философскимъ образованіемъ, а вмѣстѣ и солидными знаніями въ области социальныхъ наукъ могли бы составить кадръ преподавателей общественныхъ наукъ въ средней богословской школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, выдѣлить изъ себя вполне подготовленныхъ, стоящихъ на высотѣ времени священниковъ, которые такъ необходимы для возсозданія приходской жизни. Наконецъ, изъ нихъ могли бы выработаться и христіанскіе

публицисты, которые такъ необходимы теперь и отсутствіе которыхъ такъ болѣзненно ощущается русской жизнью. Посмотрите на это море газетъ, брошюръ, листовъ, памфлетовъ, изливающееся теперь въ народъ, — все это, при всемъ различіи оттѣнковъ, неизмѣнно противорелигіознаго направленія. Христіанская литература, которая разъясняла бы истинно-христіанскія основы общественности, отстаивала бы народную свободу и трудъ во имя высшей правды, совершенно отсутствуетъ, и даже мало того, нѣтъ силъ ее создать, нѣтъ работниковъ, достаточно компетентныхъ и проникнутыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ христіанской настроенностью, такъ что кликушествуютъ и кощунствуютъ одни черносотенцы, изрыгающіе своими листками хулу и клевету на христіанство. Въ этомъ отношеніи надо прямо признать, что трудное время застало церковныхъ людей неготовыми. Но это не можетъ и не должно такъ продолжаться, нужно браться за работу и хотя теперь учиться тому, что пора было бы знать уже давно, и дѣлать то, что должно бы быть сдѣлано тоже давно.

Вопросы христіанской общественности должны сдѣлаться христіанской совѣсти настолько своими, настолько привычными, чтобы самоопредѣленіе въ этомъ отношеніи являлось естественнымъ, само собою разумѣвающимися, прежняя беззаботность и невѣдѣніе въ этомъ отношеніи стало непозволительнымъ, а нѣкоторыя проявленія христіанской общественности *suū generis*, которыя культивируются въ газетѣ Грингмута и, къ стыду и горю нашему, связываются иногда и съ именами видныхъ официальныхъ представителей церкви, встрѣчали къ себѣ отношеніе со стороны церкви какъ прямое непотребство, насильничество, богохульство. Намъ хочется вѣрить, что принципы христіанской общественности войдутъ въ общественное сознаніе, будутъ провозглашены голосомъ общецерковной совѣсти, какимъ можетъ явиться лишь церковный соборъ. Таковъ церковный идеаль, во имя котораго мы отстаиваемъ сейчасъ столь практическую мѣру какъ введеніе преподаванія общественныхъ наукъ въ духовную школу.

Разрабатывать практически этотъ проэктъ было бы преждевременно, хотя въ случаѣ нужды я готовъ былъ бы представить свои соображенія по этому предмету какъ относи-

тельно программъ, такъ и общей постановки преподаванія. Въ духовныхъ академіяхъ потребовалось бы введеніе двухъ новыхъ кафедръ—общей теоріи права и политической экономіи, причемъ въ случаѣ лишь крайней необходимости можно было еще временно обойтись безъ первой изъ этихъ кафедръ (въ виду того, что элементарныя понятія права излагаются во введеніи въ курсъ церковнаго права, которое могло бы быть расширено, а параллельно съ этимъ при преподаваніи исторіи философіи могло бы быть посвящено болѣе вниманія исторіи философіи права). Преподаваніе же политической экономіи намъ представляется совершенно необходимымъ, и, чѣмъ скорѣе нужда эта будетъ признана, тѣмъ лучше. То время, когда духовная школа была ограждена высокой стѣной отъ міра и жизни, безвозвратно миновало, нужно теперь же приступить къ уничтоженію этой стѣны, и мощнымъ тараномъ, разбивающимъ полуразрушенную уже стѣну, будетъ, конечно, политическая экономія. И тѣ, которыхъ устрашаетъ эта перспектива, которые боятся потерять при этомъ иныхъ изъ теперешнихъ своихъ адептовъ, пусть не забываютъ, что при новыхъ, свободныхъ условіяхъ по одной и той же дорогѣ одни уйдутъ въ „міръ“, зато другіе придутъ оттуда, принеся съ собой свѣжесть полей и дыханіе жизни.

С. Булгаковъ.
